

Сергей КИБАЛЬНИК

УХОВ

Памяти моего друга и тезки

1

Завести отношения с человеком, с любым — мужчиной, женщиной — легко. А вот как их потом поддерживать? И главное, как закончить?

Субботний вечер. И ничего такого враждебного, кроме обычных, ставших привычными и потому уже не пугающих вещей, на горизонте не наблюдается.

Работы, как обычно, выше крыши. И я вступаю в мысленный диалог с моим воображаемым собеседником:

— Интересно, мы потому мало общаемся, что много работы? Или потому у нас много работы, чтобы можно было не общаться?

— Куда там! Да мы в той мере только и общаемся, в какой этого работа требует.

Похоже, что так. И вот почему мать образцового лесковского исправника умирает сразу же после того, как ей запрещают продавать на рынке пироги.

И в тех домах
где ты когда-то жил
давно уже
живут другие люди
и так возможно
будет и с могилой
там где лежал
твой прах
теперь лежит чужой
сегодня ты
а завтра я

Сергей Акимович Кибальник родился в 1957 году в Волгограде. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). После окончания и по сей день работает в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук. Член Международного общества Ф. М. Достоевского. Автор восьми книг по истории русской литературы, в частности «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе» (2011), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (2013), «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015) — а также двух литературно-художественных книг: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог» (2008), «МВитьки. Стихи и „прозы“, соображенные ночью на двоих и на троих on — и off-line» (2017, в соавторстве с Виктором Мальцевым). Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Урал», «Волга», «Текстура». Живет в Санкт-Петербурге.

приходим к той же даме
за тем же самым
Жизнь ее зовут
она одна для всех
хоть это грустно
тебе как всем
шутя подарит что-то
а ты же ей
отдашь всего себя...

2

На вторник назначены очередные съемки. Для того самого единственного оставшегося у нас инструмента глобализации и одновременно явления демократизации, которое уже не первый месяц грозят закрыть, но пока, слава богу, не закрывают. Должно быть, без китайцев этого и вправду не сделать.

В этих съемках должен участвовать один современный художник, чьи работы неплохо продаются, и потому фамилия его на слуху.

Кто знает, может быть, фамилия его как раз этому и способствовала? Ведь анаграмматически она почти воспроизводит основное слово из этого самого выражения «на слуху». Одним словом, фамилия его была «Ухов».

Ничего удивительного, бывают и такие фамилии. По частям человеческого тела — головы, например. Должно быть, когда иссякли всякие птичьи и прочие звериные фамилии, у людей не осталось других вариантов, как только давать себе подобным фамилии по частям и членам себе подобных.

Что ж, простим! — ведь это далеко не худшее, что они сделали на протяжении человеческой истории...

И все-таки чудо
бывает
и ты его
лишь не узнал
опять не увидел
и в небе
и в темном
дремучем лесу
как будто оно потерялось
и стало
всего только тенью
которая снова
приходит к тебе
днем и ночью
ласкает
и просит любви.

3

Словом, сделав привычным движением руки необходимые манипуляции, я в два клика оказываюсь на современной версии телеграфа. И вдруг узнаю, что этот самый Ухов, to say the least, вряд ли сможет участвовать в ближайших съемках. То есть он,

конечно, смог бы, если бы пришел. Но теперь уже ясно, что не придет. Сто процентов. То есть не занемог — отдал Богу душу. А без души, ясное дело, особо не походишь.

Хотя, казалось бы, для того, чтобы ходить, нужно только тело, но вот выясняется, что сниматься без души тоже нельзя. И даже не потому, что получится недушевно. А потому, что просто ни хрена не получится.

Без души, оказывается, никуда прийти нельзя точно так же, как и без тела — без этой пресловутой «сплошной оболочки»...

Первая моя реакция — это, естественно:

— А что же, мама, что мы будем делать? Мама-мама, как мы будем жить?..

То есть кем же заменить Ухова на съемках?..

Но вдруг я замечаю что-то странное в инициалах «покойного». В заголовке письма сказано: «Умер С. Н. Ухов».

— Ах, Эс Эн? — так ведь это другой Ухов. Правда, это тоже мой знакомый. Но беседовать с ним на камеру ни во вторник, ни в последующие дни я вроде не собираюсь.

От сердца вначале отлегает. Но сразу же после этого снова к нему прилегает. Разве что, может, на сей раз с другой стороны.

Ведь этого-то Ухова я знал гораздо лучше. И даже, может быть, был с ним, если в наше время еще политкорректно так выражаться, в гораздо более близких отношениях.

Играет одиночество
со мной
в жестокую игру
я это знаю
когда гляжу
в холодное окно
и вижу ночь
усталую босую
считающую звезды
на дороге
которая
уводит в никуда
и я дарю ей
тот букет цветов
который
никому не подарил.

4

Бывший сослуживец, друг, можно сказать, молодости, с которым столько вместе было выпито — когда еще можно было пить. И, как говорится, не только это...

Этого Ухова я променял на того — может быть, даже точнее было бы сказать, того на этого — всего только в последние годы. И даже не то чтобы променял. С этим Уховым мы даже ни разу не пили, но зато что-то вместе делали: выставки, презентации — и прочая обычная внешне как будто бы имеющая смысл хрень.

С тем же Уховым после ухода из нашего «тихого убежища» — учреждения, в котором, собственно, и прошли наши молодые годы, мы после работы обычно ходили в баню.

Это, кстати, в советское время делали не только в Москве и не только под Новый год.

Не то чтобы в одну баню, а в разные, конечно. В зависимости от того, какая была открыта. Они же, эти бани, почему-то работали по разным дням. Как будто бы в советское время мыться надо было не каждый день.

Но так или иначе, если хочешь помыться — или вот, к примеру, выпить пива (туда ведь и за этим тогда ходили — в бар еще попади попробуй, даже если деньги есть), то топай или на Фонарный, или на Большую Пушкарскую.

На Чайковского тоже, помню, была. Если бы сам славный классик-композитор это предвидел, может, и не стал сочинять всяких «лебедей» — писал бы одних «мышей» и «крыс».

Даже вот где-то на Шестой, что ли, линии тоже была баня, и мы в нее тоже ходили. Ее даже Балабанов в «Я тоже хочу» снимал. Ну а теперь в это самое «я тоже хочу», значит, Андрюха съездил. И, как говорили в старых советских фильмах, неудачно...

Как все быстро
становится прошлым
не успел оглянуться
оно уже
в старом музее
под стеклом
и стоят экскурсанты
и смотрят
как мы жили когда-то
когда был телефон
с круглым диском
и ты номер свой
в нем набирал
под жужжание
скрытых пружин
и по улице тихо ходил
тот знакомый автобус
где всегда
не хватало всем мест
и росла
та забытая вишня в саду
где все ягоды были
со вкусом
ушедшей любви
и над ней почему-то
всегда уплывали
в свой сказочный мир
облака.

5

Одним словом, поняв, что съемкам нашим ничто не угрожает, я начинаю осмыслять наконец-то прояснившуюся ситуацию. Осознаю, что ничего катастрофического для меня, конечно, не случилось.

Общаться с Андреем НИКОЛАЕВИЧЕМ Уховым я перестал чуть ли не сразу после закрытия или реновации всех этих бань. И не чтобы как-то поссорились или там даже, как это бывает, в пух и прах разругались. А просто, как это тоже бывает, разошлись в разные стороны.

Раньше говорили: разошлись, как в море корабли. Только это выражение на самом деле какое-то дурацкое. Ведь его обычно по отношению к тем, кто рядом, вместе,

так сказать, шел, употребляют. А корабли просто проплывают мимо друг друга, чтобы не столкнуться.

Так вот и мы с Андреем не навстречу друг другу — мы борт о борт плыли. А потом, значит, не как корабли, а просто разошлись. В разные стороны.

Так что никакой особой печали я, честно говоря, не ощущаю. И даже некоторое время привычно доделываю свои дела. Даже вот заказываю на «Ламоде» несколько футболок. А то к ближайшим съемкам под джинсовку надеть, как выяснилось, особенно нечего...

6

Вдруг я вспоминаю, что надо же все-таки прореагировать как-то по-человечески. Тем более что в письме был телефон его жены.

С ней я, естественно, тоже тыщу лет не разговаривал, но телефон-то есть. И значит, надо бы позвонить.

Да, легко сказать, позвонить. А что скажешь? Тем более я даже имени ее не помню. Может, не звонить? Не скажешь же:

— Здравствуйте! Я такой-то. Как вас звать, не знаю и имени вашего не помню, но раз ваш муж, которого я тоже уже здорово забыл, откинул, как говорится, свои не-королевские копыта, то вот я звоню...

Предлог ничего не делать, стало быть, есть. А что же может быть лучше, чем вариант «ничего не делать», если он есть?

Снова заглядываю в письмо. Нет, Кулишкина предусмотрительно указала не только телефон, но и имя. Правильно, Нина. Так ее и звали. Она вроде учительницей в школе работала. Или даже завучем. Завуч, конечно же, тоже учительница, но звучит более гордо.

Так что так просто не отскочишь. Надо звонить. А что сказать? Вот есть люди, которые всегда знают, что сказать в таких и даже не только таких случаях. И даже, может быть, находят в этом удовольствие.

У соседа даже не корова, а он сам сдох. Пустяк, а приятно. Или, может, даже и не приятно, но как-то подстегивает — ведь ты же еще живой. И люди вдруг проявляют сумасшедшую активность. Говорят, организуют.

Говорят они, конечно, по большей части довольно странные вещи. «Жаль, очень жаль», «Примите мои соболезнования». И все в этом роде. В основном такое, что даже если говорится искренне, звучит лицемерно.

Кто-то может даже поминки помочь организовать. Моя жена сразу сказала, что надо бы помочь деньгами. Похороны, дескать, дело дорогое. А раз он у нас уже не работал, то профком ничего не даст. Если, впрочем, у нас еще есть профком.

А я в таких случаях просто тупею. И даже ничего лицемерного сказать не могу. Вот почему я пишу Кулишкиной, что давно с Андреем не общался и потому звонить его жене мне неудобно. Но что если она узнает, где и когда похороны, то сообщите мне, дескать, пожалуйста.

И на этой оптимистической для меня ноте я ложусь спать. Но спать в эту ночь у меня получается не очень...

Из вежливости вместо тишины
на стол поставили
пустые облака
и говорят вам — ждите
когда придет

на цыпочках
знакомый праздник скуки
и принесет опять
большой уют
которым он разгладит все печали.

7

Я продолжаю думать на ту же тему. Вспоминаю, как мы с ним встречались, и думаю о том, почему в последние годы не...

— А как бы, скажите на милость, я мог с ним встречаться, даже если бы захотел? Что бы из этого вышло? Представить это себе можно легко.

Вспоминаю нашу последнюю встречу. Даже не встречу, а просто момент, когда я его последний раз видел. Я огибал на своем «форде-мондео» наше учреждение и вдруг увидел его сидящим на низком металлическом, выкрашенном черной краской заборчике, предохраняющем наш институтский газон от вытаптывания.

Стоять и даже останавливаться тут, почти на повороте, было, конечно, нельзя. Вот почему я опустил стекло и стал ему кричать. Я, конечно, мог бы вначале поставить машину, а потом вернуться к нему. Но где гарантия, что он за это время не исчезнет? А номера его мобильного помощника у меня к тому времени уже не было.

Он долго не понимал, что я что-то ору именно ему. Потом от неожиданности, должно быть, бросил сигарету прямо в траву. И подошел к машине.

Оказывается, он приходил подарить нескольким моим коллегам — в том числе и мне — какой-то журнал со своими стихами. Ради этих самых стихов он ведь и институт бросил. Все боялся, что если будет одновременно заниматься историей искусства, то не сможет писать сам.

Как, наверное, и другие мои коллеги, журнал я взял. А попрощавшись с Андрюхой, стал думать, куда его теперь девать.

Дома места, натурально, уже не было. Вообще, в наше время дарить книги можно только вместе с книжными полками и, главное, квадратными метрами. А без них это не подарок, а обременение. Как, впрочем, вопреки Прудону, и любая собственность. Не кража, а...

На этом мы и расстались. И я думаю, он понял, что больше свои публикации нам, серьезным людям, дарить не надо. А я понял, что мне, пожалуй, не надо было останавливаться на своем «форде».

«Форд», конечно, это не бог знает что. Хоть это и «мондео» бельгийской сборки. Все равно наплевать. Вон Каляев на «БМВ-икс-3» ездит — таком джипе в стиле ретро. Как будто он только что из фашистской Германии приехал. И что?

Конечно, у нас в «тихом убежище» и «форд-мондео» мало у кого есть. Но дело не в этом. А в том, что у Андрюхи-то в жизни никакой машины не было никогда. Зато было другое...

Мне кажется
что мы одни на свете
и тишина нам стала
одеялом
под ним заснули
все наши слова
и мы с тобою превратились
в волшебный белый камень

к которому
лишь надо прикоснуться
и он вам путь укажет
в те полные
и нежных поцелуев
и шелеста
снимаемого платья
и вздохов
так похожих
на летящих чудных птиц
края любви.

8

Так что, хотя последние годы я и жил-то от него не так далеко, но встретиться ни разу не попытался. Даже мысли такой ни разу не промелькнуло.

Сын «большого человека» советских времен, он после смерти отца разменял их фамильную четырехкомнатную квартиру у Сосновки на две похуже. С братом разъехался. Та «директорская» квартира была так хороша, что ему досталась аж трехкомнатная — но только в кирпичной хрущобе на проспекте Смирнова. И хотя тот вскоре переименовали в Ланской (правда, понизив при этом из проспекта в шоссе), но сама по себе квартира лучше от этого не стала.

Через когда-то крашенную, но уже изрядно облупившуюся парадную его дома я, кажется, всего-то раз и прошагал в жизни. Так тесны и неказисты были Андрюхины комнатки на четвертом этаже без лифта, что больше появляться в них снова как-то не захотелось. Или случая не представилось.

А впрочем, что было бы, если бы я пришел в гости к нему теперь, из своей квартиры в новом доме у Лазаревского моста, что соединяет Петроградскую сторону с Крестовским островом? А потом бы, естественно, пригласил к себе. Как бы ему это понравилось?..

Увы, деньги не столько соединяют, сколько разъединяют. Это было бы все равно что плюнуть ему в то самое место, с которым он теперь как раз расстался.

А теперь, что же теперь? Да живите вы хоть и по ту сторону Лазаревского моста, на самом Крестовском... Что ж у вас тогда способность к воскрешению Лазаря, что ли, появится?

Так что теперь уж точно никто ни к кому не придет...

9

Утром я наконец набрался храбрости, мысленно подготовился, что сказать, и позвонил «вдове». Хотя это был номер ее мобильного, но трубку никто не взял. Я мысленно посмеялся сам над собой.

— Да, так твоего звонка тут и ждали. Как будто у людей в таких ситуациях других дел, как только отвечать на твои телефонные звонки, и нету?

Однако Нина сама перезвонила через минуту.

Все оказалось, как водится, просто и буднично. Какая-то кишечная инфекция. Дома справиться не смогли. Вызвали «скорую». «Скорая» забрала в Боткинскую.

Я как бывший пациент Боткинской оживляюсь. И авторитетно заявляю, что по «скорой» обычно могут отвезти куда угодно, но раз в Боткинскую, то можно сказать, что повезло. Меня когда-то там выходили от одной неприятной инфекции.

Нина не спорит. И только спокойно досказывает, что вначале стало лучше, потом хуже. Перевели в реанимацию, потом на ИВЛ, а в пятницу вот...

«Можно сказать, еще раз перевели, — мысленно договариваю я за нее, — только на сей раз куда — неизвестно...»

— Даже проститься не простились, — заканчивает она тем временем.

— Ну да, — соображаю я, — больница же инфекционная. Где же там прощаться?.. Вот разве теперь...

10

Как назло — или это светлый знак? — сегодняшняя ночь была пасхальной. И мне то и дело приходят «вотсапки». Знакомая искусствоведка прислала натюрморт Петрова-Водкина с выкрашенными в разные цвета яйцами. И почему-то написала: «Христос воскрес, сыне Божий».

«Это она для рифмы, что ли?» — думаю я.

И радуюсь, что в имени Христа она сделала такую, а не какую-то еще опечатку.

Я и сам теперь нередко делаю опечатки. После нескольких операций на отслоение сетчатки вряд ли следует ожидать чего-то другого. И сам мысленно делаю себе наказ тщательнее, как теперь принято выражаться, проверять хотя бы написание имен собственных.

Так я и пытаюсь — в промежутках между пасхальными «вотсапками» — осмыслить этот отнюдь не медлительный уход моего бывшего друга...

Жизнь —
это белая птица
летающая ночью
по огромному мертвому небу
одна
мы слышим
лишь крик ее
громкий протяжный
и шум ее крыльев
похожий на шепот
далекого ветра
и руками ей машем
во тьме.

11

Реакция коллег была ожидаемая. В вестибюле института и так уже висела одна «похоронка». Правда, тот наш коллега дошкрябал до восьмидесяти девяти. И так как он почти до самого последнего времени числился в институте, его завтра некоторым предстояло провожать «в последний путь». А тут еще я со своим тезкой...

Один — в недалеком прошлом большой начальник — сказал, что он ведь у нас проработал недолго. Спорить я не стал:

— И в самом деле, разве тридцать один год — это так уж долго?

Помянули другого, более зрелого, так сказать, нашего институтского «покойничка». Он был германистом и, как оказалось, не был дружен с другим, еще живым своим сверстником, который, напротив, занимался французским искусством и с которым они в «учреждении» сидели за соседними столами.

— Ну, конечно. — подтвердил я. — Что ж тут удивительного? Это как Франция с Германией. Никто ведь не ожидает, что они вдруг подружатся?!

— Ну а как же Швейцария? — возразил он.

— Да, верно. Это, конечно, возможно. Но только в случае конфедерации...

Я стоял в узком кружке коллег, которые Андрея еще помнили. Подошла одна несостоявшаяся членкорка:

— Вы что тут — кончину Тянь-Шанского обсуждаете?

— Пока еще нет, — поспешил успокоить ее я (фамилия покойного, который «висел» на доске объявлений, была просто «Шанский», а у нас в институте был и Тянь-Шанский). — Да к тому же он только что здесь пробежал. Даже с учетом современных технических достижений, — продолжил я неумолимо, — вряд ли это возможно: откинуть коньки и при этом так быстро на них передвигаться.

— Ах, ну я же оговорилась.

— Ты вот оговорилась. А человек чуть живота не лишился.

— Да, по части живота, — авторитетно высказался большой начальник (начальники бывшими не бывают), — он никакому любителю пива не уступал.

Тут я уже сбился: про какого мы Тянь-Шанского, про чей живот. И побрел дальше.

Ничего особенно выдающегося на сей счет я в этот день больше не услышал. Что бы сброситься или хотя бы прийти на похороны, никому в голову не приходило. Во всяком случае телефон жены или инфу о похоронах с меня никто не спрашивал. Хотя, впрочем, когда они его последний раз видели?

Только Тянь-Шанский, которому я не преминул рассказать, как мы его чуть не похоронили, сказал, что с ним это уже не впервые. Вот пару лет назад умер его отец, а некоторые подумали на него. И когда он написал кому-то в Америке, тот очень удивился, что он еще не дал дуба.

— Надеюсь, ты его утешил — уточнил, что просто пишешь с того света, — сказал я.

Но он все равно не угомонился и завел шарманку, которую я от него слышу уже не в первый раз. Дескать, вот как быстро все движется. В смысле, дескать, того и гляди, и наш черед.

— Что ж, Серж, — парировал я, — значит, хорошо живем. Жили бы плохо — и нам бы показалось, что все это тянется уже целую вечность. И кажется, никогда не кончится...

Но всех превзошел Вихров, который знал его довольно долго — почти как я. Ему я послал мейл на сей счет, и он откликнулся незамедлительно:

«Спасибо за сообщение, Андрюша. Еще одна преждевременная утрата...»

Вначале я подумал: вот у кого надо учиться. Ни одного вопроса: ни о болезни, ни о похоронах.

— Мы ведем только нужные знакомства — ведь ненужные не нужны! — как говорил один из героев «Козлиной песни».

А впрочем, я потом вспомнил, как Ухов по поводу чего-то возмущенно говорил мне:

— Я тебе не Вихров!..

Так что удивляться такой реакции, в общем, не приходилось...

12

А еще у Андрея был тезка и однофамилец, известный петербургский прозаик и драматург. Тот самый, с которым мы собирались на следующий день беседовать под свет софитов.

О его «двойнике» я с ним как-то раньше уже говорил. И вот что от него тогда услышал:

— Всяких забавных недоразумений с ним было у меня немало. Он стихи пишет в неимоверном количестве, верлибры, преимущественно о всеединстве. Один раз мне

из Германии позвонили, из сетевого журнала какого-то, спросили, для чего так много прислал.

Несколько раз принимали меня за него. Однажды в связи с обществом, к слову сказать, имени Страхова (кажется, философском), в котором он, как понимаю, состоит. Так собеседник не хотел верить, что я — это не он.

А у меня тогда уже роман вышел «Член общества, или Голодное время», где герой, от имени которого повествование ведется, упоминает Андрея Ухова, меня то есть: там в бильярд играли в еще не сгоревшем Доме писателей, и герой романа заметил, что Андрей Ухов (я то есть) с трудом попадает кием по шару. И по этому поводу он (мой герой) обмолвился, что Андреев Уховых, вообще говоря, не то три, не то четыре.

И вот мне передали, что Андрей Ухов, который Николаевич, решил, будто я это о нем в романе написал. А он за всю жизнь ни разу в бильярд не играл, тем более в Доме писателей.

Такой, стало быть, постмодернизм.

Но это все «испорченный телефон». Видел я его за всю жизнь раза два — при том, что Ленинград — город маленький...

После наших все же состоявшихся съемок я сказал Ухову — тому, который, так сказать, «остался в живых»:

— Вряд ли это вас обрадует, но история с вашим двойником, похоже, закончилась. С пятницы он уже, увы, не с нами.

— Да, я не знал. И представьте себе, как раз недавно почему-то его вспоминал. Он на год старше меня. Я все подсмеивался над ситуацией...

А теперь, что ж теперь скажешь? Вечная память...

13

Так вот кого любил я пламенной душой...

А был он горд и смел..

В голову лезут всякие не самые подходящие цитаты. Впрочем, у «покойного» — как быстро мы упаковываем знакомых людей в удобные формулы, едва ли не быстрее, чем хороним, — и в самом деле смолodu была внешность если не Командора, то молодого Хемингуэя.

Загорелый после очередной экспедиции — у него были знакомые археологи, и он каждое лето мотался с ними по раскопкам, — он обычно стоял на площадке между вторым и третьим этажами с сигаретой (тогда еще в институте курили) со мной (старательно делавшим вид, что курит) да с парой сослуживцев.

Иногда подходил почему-то похожий на китайца язвительный классик искусствоведения Ортеманов, а то и даже Банщик, как мы называли между собой академика Панченко (хотя он, конечно, нас никогда не парил).

Теперь вот в пору ругнуть и его — даром что он сам давно уже среди *mortibus*. Но и о нем разве так уж обязательно *bene*? Наговорил, понимаешь:

— Россия — страна литературоцентричная... То да се...

А у меня от этой литературоцентричности вот уже какой по счету приятель коньки откидывает. Все поставили на карту литературы, а гения из них не вышло. И вот еще одна и, боюсь, далеко не последняя жертва...

Впрочем, Михалыч и сам хлебнул от этого литературоцентризма. Даром что академик.

Ведь денег в девяностые никому не платили — в том числе и академикам. Так что недаром он по ящику тогда малину собирать советовал...

Милый город
где ветер гуляет

как старый знакомый
окунулся
в зеленое море садов
и дома с головой в них
давно утонули
и над ними
как белые птицы
парят облака
и как будто бы
небо зовут
опуститься на землю
и стать чудным ковром
голубым
из волшебных цветов
с лепестками из воздуха
и поцелуев
тех которые солнце
дарило всем людям
когда было
совсем молодым.

14

А Вихров в морг на прощание с покойным все-таки пришел. Прочитал объявление на сайте, которое я составил. И пришел.

Так что провожали мы Андрюху вместе. Вспомнили все хорошее. А плохого вспоминать, конечно, не стали. Ну например, как он говорил: «Я тебе не Вихров!» Или как, став секретарем Банщика по нашему отделу, «настоятельно рекомендовал» мне вернуться в институт из-за границы (в девяностые я с семьей спасался от бедности то в западных, а то и даже в восточных университетах).

В конце концов, *de mortibus* все же действительно *aut bene, aut nihil*.

Правда *nihil*, когда этот *mortuus* ваш знакомый, с которым вы если и не съели пуд соли (в наше время ею, как известно, уже стараются не злоупотреблять, но тогда-то было иначе), то все же много где вместе были и много о чем разговаривали, как-то не получается.

15

Рядом с Андрюхиным стоял — вопреки тому, что обещали «вдове» — другой открытый гроб. Кто-то из родственников «покойного», поместившись между двух гробов (будет счастливым? или подхватит инфекцию?), прочел Андрюхины стихи. Что-то, должно быть, из самых его последних:

Вас позабудут
как вчерашний день
и может быть
при встрече
не узнают
вы будете
стоять на полустанке

а поезд ваш
конечно не придет
вы выйдете
встречать друзей
с цветами
а их давно
на свете больше нет
и вас проводит
в грустный сон луна
но только утром
и ее не будет...

Может, и придет поезд, и при встрече узнают. Как жить будешь, так и помрешь? — блажен, кто верует... Но луны по утрам и вправду никому не будет.

А процесс, конечно, идет, и его никому не остановить. Только теперь это уже не медлительный уход, о котором проникновенно пелось голосом ныне далекой примадонны. Это уже просто камнепад.

В следующий раз, не дай бог, Вихров, потом другой Ухов. А там и я. Или в другой последовательности. В сущности, разница не так уж велика. Как говорится, от перестановки мест слагаемых...

Ведь люди — это скороходы, которые передают друг другу не светильник жизни, а едва мерцающую лампаду смерти...